

Е. А. Добренко
(Великобритания, Шеффилдский университет)
Советская многонациональная литература
на Втором съезде писателей: конец начала

1954 год символично располагается ровно посередине советской истории, как будто подводя итог сталинской эпохе. Но он же оказывается началом постсталинской половины советской истории, принадлежа им обеим. Самая эта историческая локализация заставляет смотреть на прошедший в этом году Второй съезд писателей как съезд одновременно концов и начал. Вопрос, принадлежит ли этот съезд прошедшей эпохе или относится уже к наступающей, не праздный.

Когда речь заходит о советской литературе, в центре по умолчанию оказывается русская литература. Но поскольку другие национальные литературы СССР нередко развивались в иных условиях, имели свою национальную почву и образность и иную историческую траекторию, они требуют к себе особого внимания. О том, насколько велика была их роль в советской литературе, говорят некоторые количественные показатели. Начать с того, что русская литература, будучи самой большой и широко представленной в общесоветской литературе, отнюдь не составляла в ней даже большинства. Состав и пропорции делегатов Второго съезда писателей в этом смысле показательны: от областных отделений РСФСР, Москвы и Ленинграда на нем было представлено 268 писателей, тогда как от союзных и автономных республик — 358. Хотя не все представители городов и областей России были русскими писателями (так же как среди делегатов союзных и автономных республик были и русские писатели), абсолютное большинство в обеих этих неравных группах представляло, соответственно, русскую литературу (в первой группе) и литературы народов СССР (во второй). Уже одно это обстоятельство требует того, чтобы о национальных литературах на съезде шел отдельный разговор.

За двадцать сталинских лет советская литература изменилась неузнаваемо. И не только качественно, но и количественно. В 1934 году в Союзе советских писателей состояло 1 500 членов и кандидатов. Хотя за годы сталинского правления бóльшая их часть покинула литературу (репрессированы в годы террора, погибли во время войны, умерли), общее число писателей увеличилось в два с половиной раза: на 1 декабря 1954 года в Союзе советских писателей СССР состояло 3 695 писателей,

в том числе членов Союза 3 142, кандидатов — 553 (79). По сути, это были уже другие люди и другая литература.

На Втором съезде национальные писатели составляли явное большинство.¹ Поэтому организаторы съезда стремились к тому, чтобы это соотношение отразилось в пропорциях выступавших делегатов. Так, на съезде прозвучало сто сорок выступлений, в том числе тридцати зарубежных гостей, пятидесяти семи представителей русской литературы и сорока трех представителей национальных литератур (остальные десять выступлений были приветствиями съезду). Это достаточно точно отражало общие пропорции в советской литературе.

На съезде отмечались очевидные успехи национально-культурного строительства в сталинскую эпоху:

Октябрьская революция открыла широкий путь политического, экономического и культурного роста для каждого большого или малого народа, входившего в состав бывшей Российской империи. Многие малые народы, пребывавшие ранее в глубоком мраке поголовной неграмотности и обреченные на вымирание, в условиях советской власти возродились для нового исторического бытия. Больше 40 народов впервые после Октября обрели письменность. У каждого из этих народов возникли и успешно развиваются свое национальное искусство, своя литература. Процесс образования новых литератур и поныне еще не закончился. Только в самые последние годы были приняты в ряды Союза писателей первые литераторы народов — табасаранцев, татов, чукчей. Малые, еще недавно бесписьменные, народы Союза выдвинули десятки талантливых писателей, таких как удэгеец Джанси Кимонко, тувинец Салчак Тока, чукча Юрий Рытхэу (Сурков; 1, 14–15; 11).

Отчасти в результате такого экстенсивного развития к концу сталинской эпохи советская литература превратилась в огромное производство. Цифры, которые озвучил на съезде Алексей Сурков, говорят сами за себя: в 1934 году в стране было издано 1 852 произведения русской советской художественной литературы общим тиражом в 32 943 000

¹ Национальный состав Второго съезда был следующим. В нем участвовали представители 45 национальностей. В числе делегатов: русских — 250, украинцев — 71, евреев — 72, грузин — 45, армян — 36, белорусов — 28, азербайджанцев — 28, казахов — 20, латышей — 15, татар — 14, узбеков — 13, литовцев — 12, таджиков — 10, киргизов — 10, осетин — 9, эстонцев — 8, молдаван — 7, туркмен — 6, чувашей — 6, якутов — 6, башкиров — 5. Остальные 24 национальности представлены 49 делегатами, это карелы, финны, адыгейцы, бурят-монголы, кабардинцы, коми, каракалпаки, кумыки, лаки, даргинцы, аварцы, лезгины, дунганцы, мари, мордвинцы, тувинцы, удмурты, хакасы, абхазцы, уйгуры, курды, корейцы и др. (79)

экземпляров; в 1953 году — 2 733 произведения общим тиражом в 159 801 000 экземпляров. В 1934 году было издано 1 233 произведения писателей других братских народов СССР общим тиражом в 7 192 000 экземпляров. В 1953 году — 1 552 произведения общим тиражом в 38 526 000 экземпляров (11). Мы имеем дело с пропорционально сопоставимым ростом: национальные литературы давали две пятых всех опубликованных произведений и одну пятую тиража. Однако, имея в виду, что огромная часть тиражей книг на русском языке определялась запросами школьной программы (изучение русского языка и литературы после войны стало повсеместно обязательным), тиражи книг на национальных языках уравниваются с тиражами книг на русском языке: количество книг на русском языке было непропорционально большим из-за огромных школьных тиражей, которыми издавалась русская советская литература (Горький, Маяковский, Фадеев, Шолохов и др.).

Несомненно, главным достижением литературной политики сталинской эпохи в национальной сфере стало создание единой многонациональной советской литературы. В 1934 году ее не существовало. Но за двадцать лет, прошедших между Первым и Вторым съездами, полностью изменился сам дискурс о советской литературе. В отличие от Первого съезда, где национальные литературы были представлены *изолированно*, отдельными докладами о каждой национальной литературе, на Втором съезде советская литература была впервые представлена как *многонациональная*. Во всех докладах она была представлена как *единый* процесс. Каждый содоклад (будь то о прозе или поэзии, драматургии, критике или детской литературе) строился как «горизонтальный» срез двадцатилетия, охватывая все национальные литературы (более того, содоклады о поэзии и драматургии были поручены национальным авторам — азербайджанскому поэту Самеду Вургуну и украинскому драматургу Александру Корнейчуку соответственно). Национальные темы и сюжеты доминировали только в выступлениях национальных писателей в ходе прений.

Тема *единства* советской многонациональной литературы была задана в первом же выступлении при открытии съезда старейшим делегатом Ольгой Форш. Она говорила о советской литературе как о «литературе многих свободных и равных наций» (1, 02; 4). Эта же мысль подчеркивалась и в приветствии ЦК КПСС съезду:

Бурный экономический, политический и культурный подъем советских республик привел к расцвету литератур народов СССР.

Развитие и взаимное обогащение национальных литератур происходит в тесном содружестве писателей всех братских республик. В Советском Союзе создана многонациональная художественная литература большого исторического значения, воплощающая передовые идеи нашего времени (7).

Во всех итоговых документах съезда этот момент также фиксировался. Так, в своем заключительном слове по докладу «О состоянии и задачах советской литературы» Алексей Сурков указал: «Принципиально важным достоинством своих докладов мы считаем то, что впервые за тридцать семь лет истории советской литературы мы сделали попытку говорить о ней как о едином многонациональном целом, впервые привлекли к разговору о судьбах литературы, о ее творческом методе не только русских советских писателей, но и писателей других братских народов» (18, 140; 573). Та же мысль нашла отражение и в Резолюции съезда: «Величайшим завоеванием художественной культуры в нашей стране за последнее двадцатилетие является бурный рост литератур всех братских народов СССР, достигших творческой зрелости и составляющих ныне могучую литературу победившего социализма, единую по своему идейному содержанию и многообразную по национальным формам» (590).

Уже в самих формулировках видна опора на сталинский понятийный аппарат. Только вместо сталинского «социалистическая по содержанию, национальная по форме», советская литература характеризовалась как *единая* по содержанию и *многообразная* по формам. Съезд способствовал утверждению ключевых идеологических клише сталинской эпохи, которые будут воспроизводиться многие десятилетия. Прежде всего речь идет о *единстве* советской многонациональной литературы.

Оно обеспечивалось участием всех литератур в одних и тех же идеологических кампаниях, одним и тем же набором разработанных различными национальными литературами тем и жанров. Например, как отмечал в докладе Сурков, перед Первым съездом писателей «даже в республиках с сильно развитой промышленностью, таких, как Украина или Азербайджан, почти совсем не было произведений на темы из жизни рабочего человека. В период между съездами, в особенности после войны, во многих братских литературах стали все чаще появляться произведения, написанные на материале из жизни рабочего класса» (1, 15; 12).

То же можно сказать о колхозной или военной литературе. Тематическое единство было востребовано самими республиками, которые

непрерывно хотели «идти в ногу» друг с другом и «не отставать» от русской литературы. «Что-то не много у нас хороших произведений о покорителях моря — героических бакинских нефтяниках. А разве мало материала для писательского пера дает сегодняшняя действительность азербайджанской деревни, хотя бы ее замечательные хлопкоробы, в 1954 году первыми в стране собравшие небывалый урожай "белого золота"?» — риторически вопрошал Сулейман Рагимов (5, 17; 141). «Еще не созданы полноценные художественные произведения о рабочем классе Армении, о медеплавильщиках, машиностроителях, рудокопах, химиках. В советской армянской литературе нет таких романов, как "Далеко от Москвы" Ажаева, "Журбины" Кочетова и т. п.» — сетовал вслед за ним Эдуард Топчян (5, 47; 148).

Но главным был универсалистский национальный пафос советской литературы, выражавший сознание рожденной в сталинизме советской нации. Содоклад «О советской поэзии» Самед Вургун начал с того, что объявил главным достижением сталинской эпохи рождение *единой* советской поэзии. В ее основе — общенационально-советское содержание: «Мы и впредь должны беречь как зеницу ока национальные революционно-патриотические традиции нашей большой поэзии» (2, 82; 59). Это единство традиции сделало советскую поэзию «великой» и «единой» «в своем многонациональном звучании. Это поэзия братства и дружбы свободных народов, мощный хор поэтических голосов, воспевающих на всех языках нашей Родины свое завоеванное в боях социалистическое отечество, творческий подвиг народов, спаянных единством воли и чувством семьи единой. Советский патриотизм является движущей силой нашей поэзии» (2, 82; 59).

Но не только единство мелодии обеспечило триумф советскому поэтическому хору. Сам его состав — волшебный сплав голосов: «невозможно говорить об успехах отдельно взятой национальной поэзии без учета достижений всей советской поэзии в целом. Все поэты больших и малых наших народов взаимно дополняют и творчески обогащают друг друга» (2, 82; 59). Жизненность этой *общесоветской* поэзии обеспечивалась единством источника традиции:

Мы, собравшиеся на наш Второй съезд поэты братских республик, с безграничной благодарностью отмечаем великую историческую миссию русской классической и современной поэзии. Она подняла на новую ступень наши национальные литературы, обогатила наше художественное творчество своими реалистическими и революционными традициями.

Русская поэзия оказала огромное влияние на обогащение поэзии национальных республик новыми для них поэтическими формами. Она помогла преодолению устаревших условных канонов стихосложения в поэзии народов Востока. Поэтическое наследие В. Маяковского — могучий голос новой поэтической эпохи — оказало и оказывает большое влияние на творчество многих поэтов Советского Союза. Все мы, поэты братских республик, считаем В. Маяковского нашим общим другом и учителем (2, 82–83; 59).

Непрерывное указание на русскую литературу как на образец для национальных литератур, собиратель их в единую многонациональную советскую литературу, источник их советской универсализации также было частью сталинского ритуала. Уже основной доклад Алексея Суркова «О состоянии и задачах советской литературы» содержал указание на то, что всеми основными изменениями, происшедшими в национальных литературах, они обязаны русской литературе. Так, если «минувшее двадцатилетие ознаменовано в жизни большинства братских литератур таким признаком наступления зрелости, как бурное развитие прозы и появление крупных драматургических произведений» («этот признак особенно ярко обозначился в братских литературах Советского Востока»), то это был не столько естественный процесс развития новых литератур, сколько результат воздействия на них русской литературы. Сурков отмечал:

Само собой разумеется, что каждая из братских литератур по-своему воспринимала опыт русской классической и советской литературы. Наиболее зрелые литературы, такие как украинская, латышская, отчасти грузинская, армянская, азербайджанская, имевшие в прошлом сравнительно богатую реалистическую прозу, в советский период своего развития следование собственной национальной традиции сочетали с освоением опыта и традиций русской классической и советской литературы.

Иное дело — те братские литературы, у которых даже ко времени Первого съезда проза и драматургия находились в зачаточном состоянии. Для таких литератур — а их десятки — русская проза и драматургия (конечно, наряду с использованием классического наследия мировой литературы) были и продолжают оставаться главным источником преемственности творческого опыта (1, 21; 13).

Иначе говоря, источник *преемственности* этих литератур находился не столько в них самих, сколько в опыте *другой* (русской) литературы: делясь *своим* опытом, она закладывала *свои* традиции в качестве *их* традиций. В результате такого «переливания крови» последние становились буквально «братскими». Эта процедура получила название «взаимодей-

ствия и взаимовлияния». Если «на Первом писательском съезде еще никто не поднимал вопроса о творческом взаимодействии и взаимном влиянии между братскими литературами» — «тогдашний уровень развития литератур еще не давал основания для постановки такого вопроса» (1, 22; 13), то теперь представители национальных литератур только о них и говорили, повторяя мантру об определяющем влиянии русской литературы.

Представители «молодых литератур» делали это ритуально, начиная свои выступления с однотипных славословий: «без благотворного влияния литературы великого русского народа за короткий срок мы не смогли бы добиться столь разительных перемен в развитии родной чувашской литературы» (Алексей Талвир; 11, 52; 351); «мы, писатели братских республик, пишущие на разных языках, безгранично счастливы тем, что имеем такого гуманнейшего, талантливейшего учителя, как великая русская литература. Она приходила нам всегда на помощь. Ей, русской литературе, мы обязаны своим успехом» (Максим Цагараев (Северная Осетия); 17, 96; 536); «коми-литература, не имевшая в прошлом сложившихся традиций, развивается под благотворным влиянием [русской литературы]²» (Геннадий Федоров; 17, 63; 527); «беря свои истоки в красочном и жизнеутверждающем устном творчестве своего народа, якутская литература развивалась и крепла под прямым благотворным влиянием русской классической и советской литературы» (Василий Протодяконов; 16, 18; 483); «башкирская литература при постоянной заботе коммунистической партии росла и формировалась в жестокой борьбе с буржуазным национализмом и национальным нигилизмом; лучшие традиции великой русской классической и советской литературы, лучшие традиции всей нашей многонациональной литературы, их коллективный опыт являются для нас великой школой мастерства, [вдохновляющим]³ примером» (Мустай Карим; 11, 29; 346). Все это было продолжением установившегося в послевоенные годы дискурса о благотворном влиянии России на имперские окраины. Из «тюрьмы народов» она окончательно превратилась в колыбель национального освобождения. Никул Эркай:

Трудолюбивый, терпеливый, талантливый, героический и великодушный русский народ помогал народам России собраться в единую нерушимую семью, с ним навеки связал свою судьбу и мордовский народ. Мордовский народ никогда не жил изолированно от

² [русского народа].

³ [великим вдохновляющим].

русского народа. И в глухие годы царизма он не был сиротой. На всех этапах освободительного движения в России передовые русские люди шли на помощь мордве, будили в народе лучшие чувства и стремления, поднимали его на борьбу против царизма, помещиков и буржуазии (8, 5; 232).

Представители более «зрелых литератур», хотя и апеллировали к собственным классикам, тоже указывали на определяющую роль русской литературы. Вилис Лацис:

Два десятилетия тому назад, когда в этом зале состоялся Первый Всесоюзный съезд писателей, латышская литература была насильственно оторвана от своей духовной матери — великой литературы великого русского народа, но лучшие латышские писатели никогда не изменяли своим сыновним чувствам. Наша национальная гордость — поэтическое творчество Яна Райниса, при всем его своеобразии и всей его оригинальности, выросло под могучим идейно-художественным влиянием Пушкина, Лермонтова, Некрасова (4, 3; 110).

И не только Райнис, оказывается, «блестательный талант нашего современника — народного писателя Латвии Андрея Упита тоже сформировался и созрел под воздействием героического литературного труда нашего общего учителя — основоположника литературы социалистического реализма, гениального Максима Горького» (4, 4, 110). Национальные писатели как будто освящали русской традицией своих национальных классиков. Микола Бажан:

Всей своей сущностью, всем своим содержанием украинская советская литература неразрывно связана и слита с многонациональной советской литературой и прежде всего с литературой русского народа, с которой наша литература была извечно соединена светлыми узами братства и дружбы, неизмеримо укрепившимися в условиях социализма.

Опираясь на славные национальные традиции, традиции Шевченко и Франко, Коцюбинского и Леси Украинки, братски объединяя их с традициями Пушкина и Гоголя, Чернышевского и Толстого, Горького и Маяковского, украинская советская литература развивает свои начала правдивости и народности, повседневно и заботливо руководимая партией (4, 69; 125–126).

Мехти Гусейн:

Для народов Советского Востока, в том числе и для азербайджанцев, создающих свою художественную прозу под непосредственным влиянием русского реализма, вопрос использования

высоких традиций, русской литературы стал важнейшим жизненным вопросом. В середине XIX века, когда жил и творил основоположник азербайджанской реалистической литературы Мирза Фатали Ахундов, в литературах Ближнего Востока, наследующих бессмертные творения Низами, Фирдоуси, Навои и Физули, было довольно широко распространено эпигонство. Это наиболее остро проявилось в иранской литературе (13, 44–45; 398).

Разумеется, имевшие дореволюционную литературную традицию литературы в советских условиях эпигонством страдать не могли. Они «взаимообогащались». Как в чудесной лингвистике Николая Марра или в волшебной агробиологии Трофима Лысенко, где царил универсальная валентность и одно перетекало и сводилось к другому — «языки Грузии к языкам Северной Америки, яблони к сливам»⁴, — все в советской литературе смешивалось со всем и вырастало одно из другого. «Возьмем, к примеру, творчество основоположников белорусской литературы — Янки Купалы и Якуба Коласа, — говорил Сурков. — Разве в их произведениях мы не подмечаем черт плодотворного влияния не только гения Пушкина и Некрасова, но и гения великого Тараса Шевченко, влияния, которое ни в малой мере не стерло индивидуальной и национальной самобытности этих замечательных поэтов?» (1, 24; 14).

Нечто подобное происходило и с самой русской литературой. Узбекский прозаик Абдулла Каххар так описывал происходящее:

Великая русская литература, которая впервые за всю историю мира пробудила к жизни, организовала вокруг себя и вырастила столько братских литератур, — [небывалое и качественно новое явление].⁵ В широте и взаимодействии своих творческих связей, пытая литературы народов, делясь с ними своими художественными сокровищами, она в то же время и сама вбирает в себя многообразие художественных форм этих литератур, расширяет свою тематику, обогащает свою художественную палитру.

Вместе с тем литературы братских народов Союза на идейной основе марксизма-ленинизма, переоценив и переработав художественные ценности своих национальных литератур, учась у русской литературы методу социалистического реализма, невиданно расширили словарный состав своего языка, создали и неустанно создают совершенно новые художественные ценности, новое,

⁴ Богданов К. От первоэлементов Н. Я. Марра к мичуринским яблокам. Рациональность и абсурд в советской науке 1920–50-х гг. // Абсурд и вокруг. Сб. статей / Под ред. О. Бурениной. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 341–342.

⁵ [уже не та, о которой писал в свое время Белинский].

социалистическое по содержанию и национальное по форме, искусство (9, 21; 272).

Последнее было некоторым новшеством: до сих пор никто не говорил о влиянии национальных литератур на русскую. Она влияла на всех, но сама влиянию подвержена не была.

Не менее важную роль, чем русская литература, играл русский язык. Именно благодаря ему национальные литературы входили во взаимодействие. Об этом упоминали многие национальные писатели. А Наири Зарьян особо отметил, что

...мы не могли бы освоить всего богатства культурных ценностей наших братских народов, если в этом не помог бы нам великий русский язык.

Я говорю это, не только для того чтобы выразить чувство благодарности нашим собратьям и товарищам по перу — русским переводчикам. Я хочу вместе с этим напомнить молодым писателям братских республик, что одним из главных предметов литературной учебы является великий русский язык. Об этом не следует забывать (8, 19; 234–235).

Русский язык был не только языком литературного взаимодействия и выхода за пределы национальной ойкумены, но и основным инструментом поднятия общей культуры народов национальных окраин. Писатель из Киргизии Кубанычбек Маликов так описывал его роль:

[Вчерашние]⁶ пастухи Тянь-Шаньских гор сегодня на сцене своего национального театра играют «Отелло» Шекспира, «Беспреданницу» Островского, «Егора Булычева» Горького, «Человека с ружьем» Погодина! Так может быть!⁷ только в условиях нашего советского общества, при благотворном влиянии великой русской культуры, при быстром росте молодой художественной интеллигенции киргизской социалистической нации.

Если в недалеком прошлом сплошь неграмотный народ Тянь-Шаня и Памиро-Алая знал о великом китайском народе только по сказкам и народным эпическим песням (ибо культурные связи отсутствовали, языки не сходились), то теперь киргизы читают на родном языке книгу рассказов китайских прозаиков, рассказы и повести Го Мо-жо, сочинения другого гостя нашего съезда — Яна Дрды, прославленного писателя Чехословакии.

Киргизы могли достичь такого культурного роста, только овладев могучим и прекрасным русским языком, языком дружбы, мира

⁶ [Если вчерашние].

⁷ [, — это могло быть].

и социалистических преобразований. [Много поработали наши переводчики, для того чтобы большие завоевания молодой киргизской литературы стали достоянием широкого русского читателя, читателя наших братских республик] (11, 56; 352).

Хотя многие аспекты советского просветительского проекта при создании единой многонациональной литературы оказались в сталинскую эпоху весьма успешными, власть выработанного в эти годы понятийного аппарата была все еще всеохватной. Тем важнее, что на съезде произошли первые робкие попытки ревизии сталинских схем. Наиболее отчетливо это проявилось в содокладе «Об основных проблемах советской критики», с которым выступил Борис Рюриков. Опытный партийный функционер, он сумел «упаковать» пересматриваемые догматы таким образом, чтобы соответствующая идеологическая упаковка сохраняла видимость преемственности в условиях, когда содержание менялось нередко на противоположное. Так, началась осторожная реабилитация компаративистики, практически изгнанной из литературоведения серией кампаний 1946–1953 годов («борьба с веселовщиной», с «низкопоклонством перед Западом», с «космополитизмом», «за русские приоритеты» и т. д.). Теперь оказалось, что

[...только на основе высокоразвитой национальной жизни создается искусство, которое способно обогащать искусство других стран и, не теряя своей самостоятельности, учиться у него. Забыть об этом — значит забыть об источниках, без которых река искусства высохла бы и оскудела. Это не значит, разумеется, что мы склонны к какой бы то ни было национальной ограниченности. Глубоко ценя Пушкина, мы видим, чем он был обязан поэтам Европы и в чем пошел дальше их] (9, 11; 301).

Рюриков призывал к [«разработке истории литературы и искусства в связи со всей жизнью и историческим развитием страны и народа»] (10, 12; 301). Якобы такое изучение позволит [«разоблачить, доказать научную несостоятельность буржуазного сравнительного метода, компаративизма»] (10, 12; 301). От имени руководства Союза писателей он заявлял, что «мы отвергаем попытки некоторых вульгаризаторов отгородить историю русской литературы от литературы мировой, — такие попытки антинаучны, чужды нашему мировоззрению» (10, 12; 301). Всего за несколько лет до того как были произнесены эти слова, Исаак Нусинов погиб в тюрьме, а его книга «Пушкин и мировая литература» была объявлена (прежде всего руководителями Союза писателей Николаем Тихоновым и Александром Фадеевым) образцом «антипат-

риотизма» и «низкопоклонничества». Пересмотр отношения к компаративистике был важен не только в отношении изучения связей русской и мировой литератур, но и для изучения литератур народов СССР. В годы борьбы с космополитизмом и национализмом всякие сравнения национальных литератур могли быть только однонаправленными. Они должны были демонстрировать влияние русской литературы на литературу народов СССР. Ни обратного, ни какого-либо иного влияния (скажем, польской литературы на украинскую и белорусскую или литератур исламского Востока на литературы Средней Азии) на «братские литературы» быть не могло.

На съезде началась реабилитация эпосов, с которыми в послевоенные годы велась непрерывная борьба (многие из них были объявлены «антинародными», поскольку неверно показывали «национально-освободительную борьбу» народов с русскими завоевателями). Рюриков ссылался на то, как был объявлен чуждым эпос бурят-монгольского народа «Гэсэр», когда доказывалось, что «этот эпос имеет феодально-ханское происхождение и посвящен воспеванию кровавых злодеяний Чингис-хана и его орд» («Культура и жизнь», 11 января 1951 г., статья Д. Цыремпилона, Г. Цыдынжапова, Х. Намсараева и Ц. Галсанова). Теперь докладчик высоко оценивал «большую работу коллектива исследователей, чтоб снять с этого народного создания ярлыки, навешанные авторами вульгаризаторских статей». Рюриков признавал, что «мотивы эпоса несут на себе печать определенной эпохи и определенной исторической среды, и, если критиковать эпос XI века с позиций социалистического реализма, в нем можно найти много серьезных изъянов. Однако [подобный антиисторический подход просто вреден]»⁸ (10, 22; 305). Осененный теперь истинным историзмом Рюриков смог понять, что «эпосу "Гэсэр" присуща вера в народ, высокий оптимизм, художественная яркость и совершенство». «Кому, кроме нигилистов, нужно, чтоб эти ценности были отняты у народа?» — риторически вопрошал он. И хотя реабилитация эпосов была пока лишь частичной и половинчатой (так, «Гэсэр» был прощен, а «Манас», «на котором сказалось уродующее влияние феодально-ханской идеологии» (305), нет), процесс этот начался.

Вслед за эпосами пришла очередь классиков национальных литератур, многие из которых были запрещены как националисты. Здесь так-

⁸ [Однако мы убедились на опыте, насколько вреден подобный антиисторический подход].

тика реабилитации была такой же, как и в случае с компаративистикой и эпосами. Она начиналась с традиционной атаки на вредоносный принцип, после чего следовало непереносимое «с другой стороны»:

На изучение литератур братских народов оказала вреднейшее влияние теория «единого потока», служащая орудием реакционного буржуазного национализма. [Не видя социальных противоречий в развитии общества, изображая данную национальность лишенной социальных противоречий, идеализируя реакционных деятелей прошлого, теория эта вела к тому, что реакционная идеология господствующих классов объявлялась «общенародной», а демократическая культура данной страны изолировалась от демократической культуры русского народа и других братских национальностей.]

В Грузии, Азербайджане, Армении, прибалтийских и среднеазиатских республиках сделано много для разоблачения и преодоления ложных и вредных взглядов. Наше литературоведение нанесло сильный удар по пантюркистским, паниранским и другим националистическим извращениям. Следует [сказать],⁹ что в Армении, Грузии и некоторых других республиках определенные элементы под предлогом борьбы с буржуазной теорией «единого потока» [затянули] провокационную проработку всей национальной культуры, всех богатств искусства и литературы. Под руководством партийных организаций эти нигилистические наскоки были разоблачены (Рюриков; 10, 23; 305).

«Теория единого потока» стала жупелом еще в 1930-е годы. Она якобы подменяла классовый принцип национальным. Однако это был избирательный принцип: там, где он касался России, влияние могло быть только положительным и квалифицировалось как интернационализм. Там же, где влияние было нерусским (западным, тюркским, персидским, польским), оно квалифицировалось как национализм. Соответственно, классики, у которых это влияние обнаруживалось, превращались в националистов. Теперь появилась некоторая дифференциация. Все, к чему применялись эпитеты «многообразный» и «национальный», могло читаться по крайней мере двояко.

Например, в выступлениях ряда писателей появились осторожные пока рассуждения о «национальной форме», в которых нетрудно разглядеть поиск национальных лиц за фасадом прокламируемого «единства». Так, если в своем докладе Сурков посвятил этой теме лишь одно предложение, заявив, что «по мере обогащения литератур новыми темами,

⁹ [заметить].

по мере насыщения их новым, порожденным социалистической действительностью, содержанием, не менее интенсивно шел процесс кристаллизации и обогащения национальной формы, выявления в ней все новых и новых возможностей художественного изображения» (1, 7; 12), то Самед Вургун в своем докладе о поэзии обрушился на тех, кто игнорирует национальное своеобразие и за «единством» не видит «многообразия», посвятив этой теме обширный пассаж:

[...] и поныне находятся люди, недооценивающие того вклада, какой благодаря самобытным особенностям национальной формы вносит в дело развития всей нашей советской литературы каждая национальная литература в отдельности.

Среди некоторой части литераторов и критиков бытует наивная вредная «теория», сторонники которой сводят различие национальных форм в литературах советских народов лишь к различию языка и отрицают специфику всех остальных элементов национальной формы. Этим они отрицают, в сущности, самобытность социалистических наций, богатое своеобразие национального характера.

Из чего же исходят сторонники этой «теории»? Они утверждают, что раз все народы СССР являются строителями коммунизма, носителями коммунистических идеалов, живут общими для всей страны мыслями и стремлениями, то и нет оснований говорить о различии между ними. Азербайджанец — советский человек, и украинец — советский человек. Разнятся они лишь по языку.

Это верно, все мы советские люди, все мы строим коммунизм. Но разве русский, вдохновленный идеями коммунизма, перестает быть русским? Наоборот, он еще сильнее, еще глубже раскрывает себя как русский характер. Только в национальной форме и может развиваться социалистическая культура. Путь к будущему — это путь расцвета наций, национальных языков и национальных культур.

И это относится ко всем социалистическим нациям.

Само собой понятно, национальная форма сегодня уже не та, какой она была вчера. Она находится в постоянном диалектическом развитии; нельзя рассматривать ее как нечто неизменное, застывшее, раз навсегда данное. Одни ее качества отмирают, другие нарождаются; происходит непрерывное, а сейчас особенно бурное обогащение национальной формы новыми качествами.

Писатель, рисующий характер советского человека той или иной национальности, не может, например, не учитывать, что национальный характер его героя претерпел коренные изменения и одним из неотъемлемых, специфических национальных качеств этого характера стал пролетарский интернационализм] (3, 23–24; 77).

Какими бы половинчатыми и противоречивыми ни казались эти рассуждения, всего несколько лет назад, когда одна за другой по стране

прокатывались кампании против «буржуазного национализма» то на Украине, то в Казахстане, то в Якутии, они были просто непредставимы. Достаточно вспомнить о разразившемся в 1951 году скандале в связи со стихотворением Владимира Сосюры «Любить Україну!», когда в «Правде» появилась инспирированная Сталиным разгромная редакционная статья «Против идеологических извращений в литературе», обвинявшая Сосюру в «буржуазном национализме». Не то что рассуждения о национальной самобытности, но самое понятие «национальный характер», были невозможны всего за год до съезда.

Теперь же возможным стал разговор не только о национальных характерах, но и о национальных стилях. Поскольку одним из ключевых элементов единства советской литературы был культ вождя и славословия в адрес советского режима, широкое распространение получил дифирамбический стиль, прочно укорененный в восточной поэтической традиции. Теперь критика этого стиля прозвучала из уст самих писателей Востока. Так, Абдулла Каххар говорил, что рождение нового реалистического стиля в узбекской литературе стало результатом кризиса прежних поэтических конвенций: «Литература и жизнь вошли в такой нерасторжимый, органический контакт, что старые канонические формы восточной поэтики, доставшейся нам в наследство, уже не могли быть формами для воплощения нового содержания. Вместо сказочной громоздкости, ходульной высокопарности и внешней декоративности требовалась простота, нужно было теплое, прочувствованное человеческое слово» (9, 26; 273). А главный таджикский поэт Мирзо Турсун-заде и вовсе разразился пространной филиппикой против восточной цветистости:

Есть тенденция в таджикской поэзии и в поэзии литератур других братских народов, особенно восточных, считать, что пышность обогащает, украшает поэзию. На самом деле это далеко не так. Пышность фразеологии часто обесцвечивает, нивелирует поэзию. Высокая простота языка обогащает литературу гораздо ярче. Стремление же к пышности высокой речи приводит к созданию абстрактного, отвлеченного, искусственного языка произведения. Особенно отрицательно сказывается влияние этой тенденции на передаче живой речи героев наших произведений. Мы часто сталкиваемся с фактом, когда герои наших поэм начинают говорить красивыми, пышными, но, по существу, пустыми словами (13, 105; 412).

В этом смысле копирование классиков не только нам не поможет, но и способно нанести вред, разрушить образ современника (13, 107, 413).

Никто, разумеется, не упоминал о связи этого стиля с тем идеологическим заданием, которое он выполнял. Его пышность и цветистость были элементом политической функции по восхвалению и славословию Сталина и счастливой советской жизни. Характерно, однако, что в защиту «эпоса» выступил один из главных творцов поэтической сталинианы и ведущих поэтов Грузии Георгий Леонидзе. Он призывал к созданию крупных эпических произведений, ссылаясь на традиции грузинской поэзии и Руставели, который якобы завещал: «Тот, у кого нет умения слагать длинные песни и искусно осаживать поэтического коня, напрасно ставит себя наравне со славными певцами»:

Это — заповедь поэта: не ограничиваться короткими лирическими стихотворениями, а создавать эпос, в котором была бы запечатлена жизнь народа на каком-нибудь важнейшем этапе его исторического бытия. К сожалению, мы не можем сказать, что уже выполнили этот завет. Мы говорим об этом недостатке грузинской поэзии потому, что, как нам представляется, из него исходят все остальные слабости и несовершенства ее (14, 124; 445).

Сам Леонидзе был трижды сталинским лауреатом, среди прочего, за свои «эпические поэмы» о Ленине и детстве и юности Сталина. Стоит, впрочем, отметить, что аппетит к поэтическому «эпосу» в советской поэзии после эпического сталинского «этапа исторического бытия» резко поубавился и призывы к нему не нашли поддержки среди делегатов съезда.

Продуктивность советской литературной культуры была обеспечена ее высокой институционализацией. Несомненно, что главные достижения в деле создания многонациональной литературы были результатом институциональных усилий. Между тем именно работа литературных институций вызывала всеобщее недовольство. Из выступления в выступление повторялся один и тот же антибюрократический мотив. Жалобы стали настолько повторяемыми, что представитель Северной Осетии Цагараев в своем выступлении шутил: «Товарищи, слушая позавчера выступление представителя Чувашии, я думал, что он [оговорился],¹⁰ вместо Осетии [назвал]¹¹ Чувашию. Видно, точно так же думал Баграт Шинкуба из Абхазии, Буба Карданов из Кабарды и многие сидящие в этом зале представители автономных республик. И это неудивительно, потому что факты, приведенные

¹⁰ [оговаривается].

¹¹ [называет].

[т. Алексеем Талвиром],¹² имеют свои точные копии и в нашей республике» (17, 100; 536).

Эти «точные копии» были малопривлекательны. Выступавшие дежурно жаловались на забюрократизированность работы правления и комиссии по литературам народов СССР. Лембит Реммельгас вызвал аплодисменты, заявив, что писатели Эстонии «почти не ощущают наличия как этой комиссии», которая хотя и располагала штатом консультантов, но они [«превращены в канцеляристов, а разве канцеляристы могут обеспечить живую творческую связь между литературами? По нашему мнению, консультанты не должны отсиживаться здесь, в Москве, а большую часть рабочего времени должны проводить там, где создается национальная литература, среди тех, о которых пишут, и среди тех, которые пишут»]¹³ (343).

Другие требовали неформального внимания к национальным литературам и ждали живого интереса от русских писателей первого ряда, а не от тех, кто по долгу службы занимался национальными литературами в аппарате Союза писателей. Так, Мустай Карим заявил о претензиях

...к ведущим писателям, которые не занимают постов в аппарате, но занимают высокие посты в литературе. Мы, представители молодой литературы, хотим услышать мнение о наших книгах из уст Шолохова и Гладкова, Федина и Твардовского, Эренбурга и Исаковского, Катаева и Погодина. Чем моложе литература, тем больше ей нужно внимания. Ведь каждая мать самого младшего водит за руку, а кто постарше, тот уже сам держится за подол матери (11, 38; 348).

Третьи ждали внимания литературного начальства. Так, Яков Ругоев жаловался на то, что его карело-финская организация не «избалована вниманием правления и его секретарей. Мы изредка получаем деловые бумаги, посылаемые всем республиканским союзам. Но почти не было случая, чтобы кто-либо из секретарей правления проявил хоть малейший интерес к нашей карело-финской литературе. [Мы]¹⁴ не видели у себя в республике еще ни одного из секретарей правления за все время существования нашего Союза» (11, 117; 366).

С теми же жалобами обратился к съезду представитель республики Коми Федоров, который указал, что «с организационной стороны

руководство периферийными литературными организациями далеко не благополучно» (17, 65; 527). Тот факт, что «секретари правления и члены президиума, за редким исключением, к нам не заглядывали и вряд ли достаточно ясно представляют, что происходит на местах, чем занимаются писатели автономных республик, какие трудности они испытывают в работе» (17, 65; 527), Федоров относил на формальный характер «руководства». Даже если «раз в два-три года приезжали к нам представители правления Союза писателей СССР» (17, 66; 528), то они были лишь гостями: «Если посмотреть на это дело серьезно, по-деловому, разве могут оказать какую-либо существенную помощь товарищи, приезжающие в республику на три-четыре дня? Конечно, нет. Все делалось наспех, второпях. Именно так было»¹⁵ в июле этого года, например, при проведении республиканской конференции. За три-четыре часа были обсуждены две большие повести, две пьесы и значительный цикл стихотворений» (17, 66; 528). В Республике Коми дело приняло скандальный оборот.

Дело в том, что национальные писательские союзы были слабы и не могли противостоять напору местных инициатив, за которыми стояли партийные органы. Естественно поэтому, что они рассчитывали на поддержку «московских товарищей», которые также не имели желания вмешиваться в местные споры. В разгар борьбы с «буржуазным национализмом» под ударом оказался основоположник коми-литературы первый коми-поэт Иван Куратов. Он обвинялся в том, что не выказывал достаточного энтузиазма по поводу русификаторской политики, утверждая, что в Российской империи народ Коми обречен на исчезновение. Развернулась ожесточенная «борьба за Куратова». Союз писателей добился проведения республиканской конференции, куда приехал представитель правления Союза писателей СССР, на поддержку которого коми-писатели очень рассчитывали:

Мы его просили помочь нам разобраться в создавшемся положении. Несмотря на то что этот представитель сам является переводчиком Куратова и автором ряда положительных, даже восторженных статей о [творчестве этого поэта]¹⁶, он проявил непонятную робость и заявил: «Видите ли, товарищи, сейчас везде пересматриваются взгляды на писателей прошлого. Вы уж сами как-нибудь разберитесь здесь своими силами». Правлению Союза писателей

¹² [представителем Чувашии].

¹³ В *НС 1954* отсутствует, поскольку отсутствует все выступление Л. Реммельгаса. В *ПС 1954* она приводится (28, 15–23).

¹⁴ [До сих пор мы].

¹⁵ [как это имело место].

¹⁶ [нем, к сожалению].

республики пришлось выдержать тяжелую борьбу [за Куратова].¹⁷ К счастью, нам помогли в этом деле товарищи из Центрального комитета партии (17, 67–68; 528).

«Товарищи из Центрального комитета партии» действительно помогли после того, как дело приняло совсем уж скандальный оборот (с публичными протестами и коллективными письмами в ЦК). Только им было под силу осадить местных партийных чиновников, спешивших доложить об успехах борьбы с национализмом в республике.

Выработанные Союзом писателей в 1930-е годы формы работы с национальными литературами уже к концу сталинской эпохи изжили себя. И хотя многие ритуалы «дружбы» на съезде критиковались, они продолжали действовать все последующие десятилетия. Таковы были национальные декады, которые резко критиковал в своем выступлении Олесь Гончар. Выступавший за ним председатель правления Союза писателей Туркмении Курбандурды Курбансахатов саркастически заметил, что

...в системе работы национальной комиссии Союза советских писателей преобладает «декадная» горячка, когда республиканским организациям оказывается помощь в ударном, штурмовом порядке. Как не порадоваться, что подготовка к нашей очередной декаде в Москве несколько затянулась, — ведь только поэтому за последние три года мы дважды ощущали на себе приливы такой «декадной нежности», во время которых нас посетили на продолжительные сроки большие группы видных писателей и переводчиков... (9, 86; 288).

Руководитель писательского союза Туркмении сетовал на то, что «в такие горячие дни, в порядке штурма, трудно ждать полноценной работы и от приезжающих и от местных работников. Спешка способствует появлению серых, недоработанных произведений. И уж, конечно, в такой обстановке не приходится и говорить о критическом отношении к местной литературе, в чем она очень нуждается». Последнее было настоящей проблемой.

Империей «положительной деятельности» назвал Советский Союз Терри Мартин.¹⁸ Она выработала дискурс о продвигаемых нациях и их культурах, обидный для представителей республик. Это была снисходительность (принимаемая иногда за высокомерие), когда в разговоре

¹⁷ [В этом вопросе].

¹⁸ См.: Терри М. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

о национальных литературах профессиональные критерии резко снижались и вопрос о качестве стыдливо снимался. Тема была настолько острой, что основному докладчику пришлось на ней остановиться особо:

Богатства, которыми располагают наши братские литературы, наличие в них сильных и все растущих за счет талантливой молодежи творческих кадров исключают какие бы то ни было скидки на молодость или на бедность творческим опытом при оценке произведения любого писателя любой братской литературы. За тридцать семь лет своего исторического существования наша литература достаточно окрепла и возмужала, чтобы удовлетворять чрезвычайно возросшие за это время духовные потребности советского читателя (14).

Разумеется, Сурков выдавал желаемое за действительное. Большинство национальных литератур были все еще совершенно незрелыми, а за цифрами членов республиканских писательских организаций и тиражей журналов и книг не стояло ничего. Даже квалифицируемые как «выдающиеся» и «эпохальные» для национальных литератур произведения не могли сравниться по уровню с русской соцреалистической продукцией (уровень которой, в свою очередь, был удручающим). И когда национальные авторы требовали от русских, главным образом писателей и критиков, прекратить делать скидки на их «молодость», то призывы эти не следовало понимать буквально. Речь шла об изменении тона умиления и снисхождения. Представлявший Дагестан Расул Гамзатов указывал, что снисходительная неразборчивость приносит национальным литературам куда больше вреда, чем пользы:

Серьезно мешают росту и развитию нашей многонациональной советской поэзии те скидки, которые до сих пор делали и делают поэтам национальных республик и областей. У нас часто слишком много переводят на русский язык посредственных и слабых произведений национальных поэтов, засоряют иногда замечательную русскую поэзию. О поэтах национальных республик пишут всегда хорошо или вовсе ничего не пишут (15, 31; 453–454).

Выступавшие предпочитали не замечать, что за подобными фактами (а они были массовыми) стояла отнюдь не «забота о братских литературах», а бюрократическое безразличие. Писатели из национальных республик требовали, с одной стороны, критики, с другой, — почти каждый жаловался, что достижениям литературы их республики не уделили должного внимания в докладах. Это вызвало ироническое замечание Ольги Берггольц о том, что «в докладе А. А. Суркова из

3,5 тысячи имен писателей упомянуты были, пожалуй, две тысячи. И теперь писатели так и разделяются: на единожды упомянутых, дважды упомянутых, [выше не упомянутых и ниже не упомянутых]¹⁹ (11, 22, 345). Эта реплика вызвала «шум и оживление в зале».

Заявление же Василия Протоdjeяконова о том, что «тема национальных республик в русской советской литературе должна занять [подобающее]²⁰ место. Задачу отражения в русской советской литературе жизни национальных республик [надо]²¹ поставить как важную общую задачу для всесоюзной советской литературы, и за выполнение этой общей для всех нас задачи надо [взяться гораздо более организованно и дружно],²² чем до сих пор» (16, 26; 485), вызвало аплодисменты.

Ожидаемую поддержку получили на съезде предложения по выпуску новых журналов. Будь то национальные журналы в республиках, о чем говорил, например, Георгий Леонидзе, заявивший о ненормальной ситуации, когда «большой отряд грузинских писателей располагает всего лишь одним литературно-художественным журналом. Тем более что во время Первого съезда писателей, когда численность грузинской писательской организации была вдвое меньше, в Грузии выходили три литературно-художественных журнала» (14, 129–130; 446). Будь то русские журналы в республиках, о чем говорил Эдуард Топчан, утверждавший, что «давно назрела необходимость во всех республиках иметь журнал на русском языке. Пусть он выходит в два месяца раз, но он нужен, так как через такой журнал будет возможно знакомить широкий круг читателей всего Союза с новинками национальных литератур, держать, так сказать, национальные литературы в центре постоянного внимания» (5, 49; 148). И наконец, речь шла об альманахе «Дружба народов», который писатели требовали превратить в ежемесячный журнал. Олесь Гончар высказал общее мнение, когда указал, что такой журнал, «бесспорно, послужит на пользу делу при том, разумеется, условии, что журнал будет вестись на более высоком уровне, чем альманах, и станет признанной всесоюзной трибуной братских литератур» (5, 60; 151). Если журнал действительно стал выходить после съезда, то другая озвученная Гончаром идея не получила развития. Речь шла об организации Всесоюзного издательства национальных литератур, «которое собрало бы воедино кадры переводчиков, опытных редакторов и выращивало бы

¹⁹ [вышеупомянутых и нижеупомянутых].

²⁰ [свое подобающее].

²¹ [я думаю, надо].

²² [приниматься гораздо более организованней и дружней].

новые кадры работников, честных, добросовестных, искренне болеющих за успешное развитие литератур народов СССР» (5, 60–61; 151). Идею эту высказывал еще Горький, но она так и не была реализована ни в 1930-е годы, ни после смерти Сталина.

Как любой советский съезд, Второй съезд писателей был вполне бюрократическим мероприятием. И представители писательской номенклатуры на нем доминировали. Правда, это были не столько канцеляристы, сколько столоначальники. В особенности это касается национальных литератур, которые обычно были представлены номенклатурными руководителями местных отделений Союза. Поэтому и защита бюрократической писательской касты исходила именно от руководителей провинциальных и национальных отделений. Так, Михаил Петров «от имени удмуртской делегации» заявил, что «мы решительно отвергаем всякие ликвидаторские попытки, а наоборот, требуем укрепления Союза и в первую очередь его национального сектора. Мы требуем живого, практического, [повседневного] руководства всеми национальными литературами на [основе богатейшего опыта]²³ русской литературы, на опыте великого Горького» (16, 58; 492).

Впрочем, некоторые представители литератур Востока своеобразно представляли себе этот опыт. Так, С. Улуг-заде потребовал «возродить в Союзе писателей горьковский организаторский размах по сплочению и — я не боюсь этого слова — расстановке писательских сил на важнейших участках. Нельзя же, в самом деле, мириться с таким положением, когда наш боевой Союз писателей часто является, особенно на местах, простым регистратором литературно-творческих фактов, а не их организатором!» (5, 121; 166).

С точки зрения выступавшего, «писатель всегда пишет о том, что ему ближе всего. Иногда это «близкое» выпадает из русла главных тем советской литературы. Союз писателей призван, наряду с идейным руководством всем литературным процессом, организовать этот процесс таким образом, чтобы темы, наиболее важные для страны и народа, стали темами многих писателей». С. Улуг-заде нарисовал настоящую номенклатурно-бюрократическую утопию:

Мы, писатели Советской страны, коллективно участвуем в строительстве коммунизма, а строительство коммунизма, как известно, идет по хорошо продуманным и настойчиво осуществляемым планам. И нет ничего плохого или неестественного в том, что творче-

²³ [богатейшем опыте].

ская работа писательского коллектива в той или иной мере будет направляться организованно и планомерно.

Среди нас есть товарищи, которым противно всякое организационное начало в литературно-творческой работе, они как огня боятся его, считая это вмешательством в их «личную» творческую жизнь, а иным из этих товарищей кажется, что даже их собственный Союз и то мешает им работать.

Но, к счастью, такие настроения не разделяются массой писателей. Абсолютное большинство писателей отчетливо сознает, что вне Союза, вне этой нашей добровольной общественной организации нам трудно было бы с успехом решать наши высокие и ответственные задачи (5, 121–122; 166–167).

Угроза была высказана по-восточному цветисто и жестко: те, кто не желает писать по «хорошо продуманным и настойчиво осуществляемым планам», ссылаясь на «личную» творческую жизнь, должны остаться вне «нашей добровольной общественной организации», хотя им и будет «трудно с успехом решать» какие бы то ни было задачи.

Как можно видеть, в том, что касается развития советской многонациональной литературы (как, впрочем, и всей советской литературы) Второй съезд писателей не стал революционным событием. Но, хотя институционально советская литература не изменилась, на съезде произошла важная коррекция идеологических схем, осторожный отказ от наиболее одиозных сталинских догматов, что было уже огромным шагом вперед после десятилетий «нерушимого единства». По-настоящему переломным событием станет XX съезд партии, начавший процесс десталинизации и открывший для национальных литератур собственные национальные истории — трагический опыт революции и сталинизма, правды о коллективизации и войне, вернувший в них репрессированных писателей и деятелей национальной культуры, наполнивший их вычеркнутыми из истории классиками.

То, что произошло с русской литературой в послесталинскую эпоху, было похоже на чудо. Казалось невероятным, что после десятилетий суровой сталинской зимы наступившая «оттепель» породит столько нового, интересного и яркого в литературе, выжившей в железных тисках соцреализма. Но еще большим чудом стало то, что произошло в послесталинскую эпоху с национальными литературами. Остается загадкой, как *из придушенных до полусмерти, искусственно созданных и/или мертворожденных литератур возникли действительно новые самобытные литературы в национальных республиках, а имена*

Чингиза Айтматова, Василя Быкова, Кайсына Кулиева мн. др., украинский химерный роман и эстонский экспериментальный маленький роман, литовский роман внутреннего монолога и грузинский мифологический роман стали феноменами общесоюзного масштаба. Второй съезд писателей был лишь пробой голоса, началом разговора о важном и наболевшем. Он не стал началом нового этапа в истории национальных литератур, но он обозначил конец начала советской многонациональной литературы. Ее расцвет в течение трех десятилетий закончится вместе с самой советской историей.